

Цуй Мин-дэ сама громко позвала служанок подать чай, с жадностью отхлебнула и, подняв на меня взгляд, спросила: «Что происходит, ты сама не знаешь?»

Я смущённо пробормотала: «Но зачем меня держат здесь?» Спросив, тут же догадалась — неужели в такое время матушка позволит мне разгуливать по дворцу, беседовать с Ли Жуем или болтать с Вэй Хуань?

Цуй Мин-дэ, видя, что я сама всё поняла, не стала отвечать, лишь снова отпила чаю. Мне подали лёгкий настой, а ей — густой отвар из чайной пыли. Этот крепкий напиток в нашу эпоху ценили как кофе в прошлой жизни, хоть злоупотреблять им и не стоило. Цуй Мин-дэ, Вэй Хуань и прочие барышни из знатных семей обычно потягивали его мелкими глотками, а тут она залпом хлебнула дважды — невольно насторожило. Присмотрелась: сегодня её макияж был гуще обычного, и, если взглядеться, становилось ясно — скрывает синеву под глазами.

Клан Цуй давно делал ставки на разные стороны, подстраховываясь со всех направлений. Сама же она — всего лишь чиновница пятого ранга. Кто бы ни воссел на трон, жизни её ничто не угрожало, если, конечно, не ввязываться в крупные дела. Что же могло заставить эту, обычно столь безмятежную, особу так переживать, что даже грим не скрывал следов бессонницы?

Я взяла игральные кости, бросила их и, поднимая, уже знала, что скажу. С лукавой усмешкой обратилась к Цуй Мин-дэ: «Цуй Вторая беспокоится о Шилюнян?»

Цуй Мин-дэ поставила чашку, бросила кость и, не меняя выражения лица, произнесла: «Дугу Шао неотлучно при императрице. Её дела — это дела императрицы. Разве ты не волнуешься?»

«Матушка вне опасности, — ответила я. — Это ясно и из опыта прошлой жизни, и из того, что вижу сейчас». Ли Жуй... вряд ли мог тягаться с матушкой. Пока не знала, когда та начнёт действовать, тревожилась, а узнав — сердце, напротив, успокоилось. Беспокоило лишь одно — Вэй Хуань.

Вспомнив о ней, я сжала фигурку в руке и тоже сделала большой глоток. Тихо спросила: «Эрнян, как думаешь, А-Хуань... умна?»

Цуй Мин-дэ взглянула на меня искоса: «Императрица с детства изучала каноны, с возрастом обрела пронизательность и мудрость, обладает благородной осанкой и небесным дарованием. Разумеется, умна».

«Я не Дугу Шао, не нужно меня обманывать красивыми словами, — возразила я. — По-твоему, если после Люяна... её оставят в столице?»

Цуй Мин-дэ опустила глаза — то ли считала ходы, то ли обдумывала мой вопрос. Спустя мгновение спросила: «Она тебе что-нибудь говорила?»

Я помедлила, но солгала: «Ничего».

Цуй Мин-дэ глубоко посмотрела на меня: «Вообще-то, что бы она ни говорила, не так уж важно. Важно, что думает императрица». Сделав несколько ходов, продолжила: «У князя Цзиньяна — четверо сыновей, один от первой супруги. У нынешнего императора — лишь один сын, рождённый служанкой, но воспитанный супругой наследного принца. Князь Цзиньян двадцать лет был наследным принцем, и Поднебесная славилась его добродетелью. Сместили его — и все четыре моря возмутились. Хотя он уже умер, сыновья его по-прежнему у всех на виду. Нынешний же император — не старший сын, наследным принцем пробыл считанные месяцы, добрых деяний за ним не числится. Взойдя на престол, окружил себя приближёнными из своих

прежних владений, возводил роскошные дворцы и охотничьи резиденции. Отец ещё не предан земле, а он уже принудил к смерти родного брата, вступил в связь с сёстрами матери... Чей отпрыск весомее для сановников — незаконнорождённый сын такого человека или законный наследник князя Цзиньяна?»

В горле пересохло. Я прохрипела: «Ты о... Фэнцзе».

«Я ничего не утверждаю, — отозвалась Цуй Мин-дэ. — Просто передаю толки, что ходят при дворе».

Я сжала губы: «Самое забавное, что и князь Цзиньян, и его супруга уже умерли. Сын мал, опоры не имеет. Все его действия целиком зависят от бабушки и высших сановников...»

Цуй Мин-дэ усмехнулась: «Верно. Сколько людей мечтают стать советниками государя, наставниками императора... А уж если совместить и то, и другое — предел мечтаний для служилого человека».

Я опустила голову. Спустя долгое время проговорила: «Всё остальное ладно... Но эта история с Вэй Синь... вроде бы ни на чём не основана».

Цуй Мин-дэ ответила: «Вэй Сюаньчжэня повысили до цыши округа Пу, он уже собирался отправиться к месту службы, но через несколько дней пути его срочно отозвали и перевели заместителем министра Ведомства чинов, с одновременным назначением в Императорский секретариат. Если повысили как отца императрицы — зачем сначала понижали? Если за выдающиеся заслуги — как могли о них узнать, пока он ещё даже не вступил в должность? Да и клан Цуй в последнее время то и дело приводит дочерей во дворец, подолгу задерживается — об этом все уже знают. Туда-сюда — невольно возникают подозрения. Слухи такие — дело обычное». Она сделала паузу, затем добавила: «Кстати, я имён не называла, а ты сразу сказала „Вэй Синь“. Может, что-то знаешь?»

Я сжала кулак: «Да, знаю. Скажу прямо — не хочу от тебя скрывать. Если дела обстоят так... можешь как-нибудь устроить, чтобы... А-Хуань осталась?»

Цуй Мин-дэ пристально посмотрела на меня: «Почему ты так хочешь её оставить? Уехать из столицы — для неё, возможно, не худший вариант».

На душе стало тяжело. Я допила чай и тихо проговорила: «Люлян её не любит. Я... не спокойна, если она будет там».

Цуй Мин-дэ сказала: «Ты сама же говорила — она умна. Скорее всего, сумеет о себе позаботиться».

Я промолчала, но снова спросила: «Есть у тебя способ?» Если матушка действительно возведёт на престол Фэнцзе, то уж тем более нужно оставить Вэй Хуань в столице. Ли Жую восемнадцать — чем старше, тем опаснее. Матушка же в расцвете сил, и судя по прошлой истории, да и по нынешним обстоятельствам, проживёт как минимум ещё двадцать лет. Фэнцзе же родился в августе прошлого года, сейчас ему нет и года. Пройдёт двадцать-тридцать лет — матушке он угрозы не составит, а благодаря родству, возможно, станет ещё ближе к ней. Кто знает, вернётся ли Ли Жуй в этой изменившейся истории? Даже если вернётся — пройдут годы. А мы с А-Хуань... разве свидимся?

Но Цуй Мин-дэ права: если Ли Жуй больше не вернётся, проживёт жизнь низложенным князем, то Вэй Хуань с ним будет в большей безопасности.

Я думала, что забочусь о ней, а в итоге — просто хочу видеть её рядом. Но разве имею право ради своей прихоти насильно удерживать Вэй Хуань в столице? И смогу ли я... её защитить?

Цуй Мин-дэ покачала головой — то ли не в силах помочь, то ли не желает.

Мы обе замолчали, каждая погружённая в свои думы. Я, разумеется, размышляла о своём, но и Цуй Мин-дэ сидела, опустив голову, словно что-то обдумывая. В полдень Хулюй Добао принёс еду, но ни у кого не было аппетита.

Прошло много времени. Солнце уже склонилось к закату, когда за дверью послышались шаги. Цуй Мин-дэ резко подняла голову, вскочила, но тут же снова села, будто ничего не произошло.

Я не была столь порывистой, медленно повернулась к двери.

Вошла Дугу Шао — волосы убраны, наряд яркий, поверх шёлковый доспех, у пояса длинный меч. Выглядела она бодро и энергично. Остановившись на пороге, положила правую руку на эфес и выждала, пока мы с Цуй Мин-дэ подойдём. Затем громко и чётко объявила: «Государь, отдаливший прямых и приблизивший малых, предавшийся вину и похотям, погрязший в роскоши и расточительстве, многократно вразумляем, но не внявший, — императрица, следуя заветам покойного государя и храня справедливость в Поднебесной, низлагает его и жалует титулом князя Лулина. Сегодня же отбывает в свои владения. Супруга Вэй и сын Шоули следуют с ним. Покойный князь Цзиньян, посмертно возведённый в князья Юна, — сын его, Фэнцзе, с младенчества явил выдающиеся способности, от природы одарён мудростью. Покойный император Гао-цзун при жизни часто желал взять его на воспитание как собственного сына, но оставил эту мысль из-за Ли Жуя. Ныне, поскольку князь Лулин впал в неправедность, [Фэнцзе] принимается в императорский род, дабы продолжить жертвоприношения предкам и наследовать завещанное предками. Нарекается именем Дань. Принцессе Чанлэ повелевается явиться в чертог Цзычэнь для аудиенции».

<http://bllate.org/book/16278/1466969>